

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Смоленский государственный университет»
Кафедра литературы и журналистики

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Ученые записки
Смоленского государственного университета:
межвузовский сборник научных статей

Выпуск 23

Смоленск
Свиток
СмолГУ
2023

УДК 37.014
ББК 74.04 (2)
Р 89

Печатается по решению редакционно-издательского совета Смоленского
государственного университета

Ответственный редактор и автор предисловия М.Л. Рогацкина

Русская филология. Ученые записки Смоленского
Р 89 государственного университета: межвузовский сборник
научных статей. Вып. 23 / отв. ред., авт. предисл. М.Л.
Рогацкина — Смоленск: СмолГУ, Свиток, 2023. — 272 с.
ISBN

В сборнике представлены ставшие уже традиционными разделы,
посвященные исследованиям в области русской литературы – поэзии и
прозы XIX – XXI веков; истории зарубежной литературы; русско-зарубежным
литературным связям; истории журналистики; теории текста; теории стиха;
литературе Смоленской земли; архивным материалам, а также воспоминания.

Издание включено в каталог изданий, входящих в ведущую систему
индексов цитирования (РИНЦ).

УДК 37.014
ББК 74.04(2)

Виньетка на титуле выполнена Е. К. Школяренко по мотивам гравюры
Сандерса с рисунка С. Тончи на фронтисписе «Анакреонтических песен»
Г.Р. Державина (СПб., 1804).

ISBN

© Коллектив авторов, 2023
© Оформление, издательство «Свиток», 2023
© Смоленский государственный университет, 2023

Mikhail Prishvin in A.T. Tvardovsky's "New world"

Key words: M. Prishvin, A. Tvardovsky, "New World" magazine, A. Kondratovich, creative connections, new archival materials.

This article is based on the history of creative contacts between writers Mikhail Prishvin and Alexander Tvardovsky. The author of the work debunks the widely spread testimony in the "Novy Mir Diary" by A. Kondratovich about Tvardovsky's negative attitude to Prishvin. This is supported by the collected facts of the chronicle of the writer-philosopher's printing in the magazine "Novy Mir", edited by Tvardovsky. And also new archival materials: Tvardovsky's letter to Prishvin from 10.09.1951 and the letter of the poet's daughter to the author of the article from 22.11.2022.

Э.Л. Котова

УДК 821.161.1 (470.332)

«Муза-лошадь» и «Новый Пегас»: Адриан Македонов о новаторстве Владимира Маяковского

Ключевые слова: литературная критика, поэзия, проблема новаторства, Маяковский, Македонов.

В статье идет речь об отношении литературной критики 1920-х — 1930-х годов к поэзии Владимира Маяковского. Несмотря на огромный вклад поэта в реформирование русской поэзии, большинство литературных критиков из числа его современников с недоверием или явным неодобрением относились к его новаторству. Рапповская критика была настроена к нему особенно враждебно. Однако Адриан Македонов, будучи молодым членом РАПП, в своих статьях с нескрываемым восторгом писал о новаторстве Маяковского, хотя говорил и о некоторых «слабых местах» его творческого метода. Возможно, это стало причиной того, что данные статьи были поставлены Македонову в вину, когда в 1937 году он был осужден как «враг народа». Полвека спустя Македонов

в своей монографии о развитии отечественной лирики 1930–1970-х годов повторил ряд положений ранних статей, касающихся неоспоримого влияния Маяковского на выдающихся поэтов (Багрицкого, Пастернака, Евтушенко и др.). Несмотря на изменение критической методологии Македонова, его отношение к наследию Маяковского, «революционному» новаторству поэта, осталось неизменно почтительным.

Поскольку ранее никто из исследователей критических и литературоведческих откликов на творчество Маяковского о работах Македонова не писал, мы постарались восполнить этот пробел.

В поэзии Владимира Маяковского 1920-х годов парадоксально соединились социалистическое мифотворчество и отражение сложных реалий переходной эпохи. Несмотря на радикальность творческих установок ЛЕФа, большинство произведений поэта было создано на высочайшем профессиональном уровне художественного мастерства, что для многих современников вовсе не было очевидным, поскольку серьезным изучением его творчества никто тогда не занимался. Новаторство Маяковского, как и в целом футуристов, вызывало в 1920-е годы острые литературные и идеологические споры. Зачастую оно раздражало не только сторонников классических традиций, но и тех, кто ратовал за создание совершенно новой литературы — пролетарской. Даже близкие к «будетлянам» люди неоднозначно воспринимали их смелые шаги навстречу к поэзии будущего. «Отношение мое к футуристам,— писал Корней Чуковский,— было в ту пору сложное: я ненавидел их проповедь, но любил их самих, их таланты. В моих глазах они были носителями ненавистных мне нигилистических тенденций в поэзии, направленных к полному уничтожению той проникновенной, гениально утонченной лирики, которой русская литература вправе гордиться перед всеми литературами мира» [Чуковский]. Противоречивое мнение о поэте, «богодьяволе», сохранилось и у исследователей его творчества в последующие годы. «Маяковский,— утверждает О.М. Култышова,— по свидетельству современников, был яростен в споре с русской классической традицией, с символизмом и акмеизмом, а в 20-е годы — с Пролеткультом, конструктивистами, рапповцами. Столь же яростно и по сей день спорят о Маяковском, то называя его самого “варваром”, а стихи “кошунственными”, то подтверждая титул

“архангела-тяжелоступа” (М. Цветаева), а поэзию определяя как “прекраснейшее явление”» [Култышова].

В своей работе мы остановимся на анализе литературно-критических работ Адриана Владимировича Македонова, посвященных Маяковскому и развитию отечественной лирики советской эпохи. Никто ранее из исследователей истории литературной критики и литературоведения XX века о них не упоминал.

Македонов, прозванный Александром Твардовским «смоленским Сократом», входил в литературу в конце 1920-х годов. На протяжении всей жизни он не раз обращался к творчеству Маяковского, вклад которого в развитие русской поэзии считал огромным, по истине революционным. Творческий путь Македонова занимает почти полвека. Он мог быть еще длиннее, если бы в августе 1937 года не был прерван на двадцать лет в результате сталинских репрессий [Котова]. Важно отметить, что статьи о Маяковском были приобщены к уголовному делу Македонова как одно из сфабрикованных доказательств его «контрреволюционной троцкистской деятельности». После реабилитации и возвращения к литературной работе критическая методология Македонова претерпела серьезные изменения, избавившись от идеологических шаблонов первых постреволюционных десятилетий. Однако наиболее существенные принципы и подходы к анализу остались неизменными. Об этом, в частности, можно судить по его оценке в разные годы поэзии Маяковского, его новаторства.

Впервые к наследию Маяковского 20-летний критик обратился в апреле 1930 года. Через неделю после самоубийства поэта в смоленской газете «Рабочий Путь», редактором которой в то время был Леопольд Авербах, генеральный секретарь РАПП, была опубликована статья Македонова «Маяковский и пролетарская поэзия» [Македонов, 1930]. Македонов был членом РАПП, но в отличие от большинства «неистовых ревнителей» не относился к Маяковскому настороженно или враждебно, он видел в нем не «попутчика», а великого поэта, близкого пролетарской поэзии. Это вовсе не была попытка идеализировать трагически ушедшего из жизни поэта, а стремление понять сильные стороны его поэтики.

В пятую годовщину гибели Маяковского, когда литературная ситуация в стране резко изменилась (литературные группировки были распущены, создан Союз советских писателей), Македонов вновь опублико-

вал статью о Маяковском [Македонов, 1935], из которой видно, что его отношение к поэту осталось по-прежнему восторженным.

Это явно расходилось с мнением большинства советских критиков. Дело в том, что отношение советской власти к «певцу революции» было неоднозначным. Его приглашали с выступлениями на официальные мероприятия, однажды в Большом театре его поэме «Владимир Ильич Ленин» рукоплескал сам Иосиф Сталин. Однако в «Советской энциклопедии», вышедшей незадолго до смерти поэта зимой 1930-го года, о поэзии Маяковского говорилось, как о бунте «анархистическом и индивидуалистическом, мелкобуржуазном по существу»; даже «после Октября Маяковскому чуждо мировоззрение пролетариата» [Буяновская]. Именно поэтому в первые годы после смерти поэта при активном участии рапповцев его творчество оказалось под негласным запретом, пока в конце 1935 года Сталин в резолюции Николаю Ежову не назвал Маяковского «лучшим талантливейшим поэтом нашей советской эпохи» [Сталин], после чего началась «канонизация» Маяковского советскими идеологами. Это обстоятельство, безусловно, помешало объективному анализу его новаторской поэтики.

Чем же являлся Маяковский для юного Македонова? Он прославляет его как «несомненно, глубоко революционного» поэта, как «великого революционного новатора» [Македонов, 1935], который ушел далеко вперед многих современников в реформировании поэтики отечественной лирики.

Небольшой формат газетных статей не позволял Македонову дать подробный анализ стихов Маяковского, критик сосредоточился в них на общих выводах по четырем проблемам.

Первая проблема связана с оценкой творческой эволюции поэта, в которой критик отметил несколько тенденций. Македонов только вскользь упоминает о мучительном преодолении Маяковским «мелко-буржуазного бунтарства» дореволюционной лирики. Он всячески старается подчеркнуть «колоссальную силу революционной страсти» Маяковского [Македонов, 1935], которой так не хватает даже близким ему по духу Николаю Асееву, Семену Кирсанову, Осипу Брику, выпустившим в 1934 году альманах «С Маяковским». Ключевым вектором развития постреволюционной поэзии Маяковского критик считал осознанное стремление отказаться от своего лирического «я» и слиться с пролетарской массой, стать частью «руки миллионопалой». Приветствуя

такое намерение, Македонов говорит об опасностях, которые могут подстерегать поэтов на этом пути. Дело в том, что эта сверхзадача решается разными художественными способами. Маяковский вначале, по мнению критика, выбрал ошибочный путь. Взяв на вооружение теорию «литературы факта», он стал создавать «поэзию чистых фактов и идей, лишенную всего предметного и психологического» [Македонов, 1935], что привело его к схематизму, отвлеченности и, в конечном счете, грозило превращением поэзии в публицистику. Поэтому попытки Маяковского нарисовать утопический образ «коммунистического далеко» Македонов считал художественно слабыми и гораздо выше ценил его сатирические стихи, рисующие вполне наглядные образы. Критик и причину самоубийства Маяковского в отличие от большинства рапповцев связал с его творческим кризисом, вызванным внутренним конфликтом — стремлением говорить от лица народа, партии и невозможность заглушить в себе лирическое «я».

Однако в поздней лирике Маяковского Македонов обнаружил противоположную тенденцию, связанную как раз с преодолением схематизма, иллюстрирования партийных лозунгов. Критик полагает, что поэт ушел из жизни как раз в тот момент, когда нащупал выход к поэтике синтеза больших обобщений и новой конкретности, слияния личного и общественного. В его стихах 1926–1930-х годов Македонов обнаруживает одновременное изображение масштабных образов и звучание его неповторимого индивидуального голоса (например, цикл «Стихи об Америке» (1926), «Товарищу Нетте, пароходу и человеку» (1926) и др.). Особенно критик выделяет поэму «Хорошо» (1927), называя ее «гениальной, до сих пор неоцененной» [Македонов, 1935].

Вторая проблема, которую Македонов поднимает в своих статьях, касается новаторства Маяковского. «Маяковский, — утверждает критик, — это революция в русском стихе, без которой нельзя представить себе современной поэзии», «только обыватель может не видеть огромные творческие достижения Маяковского последних лет. Маяковский необычайно обогатил формы лирической поэзии, создал новые жанры сатирической и агитационной поэзии» [Македонов, 1930], обратился к разговорной речи и упростил тем самым поэтический язык.

Третья проблема связана с отношением к литературным традициям. Противопоставляя поэтику Маяковского и Есенина, он явно отдает предпочтение первой. Критику близок протест Маяковского против

«амуро-лировой» поэзии. Красной нитью через статьи проходит призыв учиться у Маяковского: именно он должен стать «если не главным, то одним из главных источников творческой учебы» [Македонов, 1930] для современных авторов. Заметим, что Македонов говорит об этом еще до известной нам резолюции Сталина.

В статье 1935 года Македонов подчеркивает сохраняющееся и после смерти Маяковского влияние его поэтики на большой круг авторов — от Асеева и Пастернака до Безыменского, Сельвинского, Тиханова, т.е. даже на тех, кто изначально был далек от творческих принципов поэта, а нередко при жизни враждебно к нему относился. Влияние Маяковского, отмечает критик, простирается и на европейскую поэзию: речь идет о революционной лирике Роберта Бехера и Луи Арагона. В чем же выражено это влияние? Прежде всего в преодолении «камерной» поэзии с помощью внедрения в стихотворный текст прозаических приемов, поиска новых ритмов, обращения к ораторской интонации.

Четвертая проблема касается важного для Македонова вопроса дальнейшего развития советской лирики. Учеба у классиков не означает подражания им. Критик напоминает завет Маяковского: «Оставляя написанное школам», идти вперед, «перешагнув через себя» [Маяковский]. С горечью Македонов признает, что не видит в современной литературной ситуации поэта, достойного масштаба Маяковского, новаторство которого открыло бы принципиально новые пути развития поэзии. Его мысль об «отставании нашей поэзии» переключается, на наш взгляд, с мнением Марины Цветаевой о том, что Маяковский «быстрыми ногами <...> ушагал далеко за нашу современность и где-то за каким-то поворотом долго еще нас будет ждать» [Цветаева].

Обе статьи написаны Македоновым на языке эпохи 1930-х годов. Но идеологические штампы не могут скрыть от читателя тот факт, что критик высоко ценит в поэзии целостность и оригинальность поэтики, а перспективы развития отечественной лирики связывает с соединением принципов «обобщенного пафоса» и «новой конкретности». Спустя двадцать с лишним лет именно их Македонов будет считать основой поэтики «смоленской» поэтической школы, существовавшей в конце 1920-х — 1930-е годы.

Исследователи полагают, что только в период перестройки отечественное литературоведение стало постепенно освобождаться от навязанных советской критикой и наукой стереотипов, искажающих представление о Маяковском. «Если в те времена, — настаивает М.В. Покотыло, — по идеологическим мотивам старались замалчивать дореволюционное творчество поэта как несоответствующее коммунистическим идеалам, то в постсоветское время именно эти произведения помогли и помогают сохранять Маяковского как выдающегося поэта своего времени. Более того, несмотря на активное сотрудничество поэта с советской властью и произведения, написанные по соцзаказу, современные критики находят и в постоктябрьском наследии поэта выражение несогласия, полемики и протеста против существовавших в 1920-х годах негативных явлений в советском обществе, таких как бюрократизм, мещанство» [Покотыло].

Македонов в своей итоговой книге о лирике 1930–1970-х годов, увидевшей свет в 1985 году [Македонов, 1985], неоднократно обращался к поэзии Маяковского, к его огромному вкладу в развитие отечественной лирики, говорил о его влиянии на многих поэтов, начиная с современников (Эдуарда Багрицкого, Бориса Пастернака, Михаила Кульчицкого) и заканчивая поколением 1960-х, особенно Евгением Евтушенко и Андреем Вознесенским. Но отдельной главы в своей монографии он ему не посвятил.

Рассматривая поэзию Маяковского уже в гораздо более широком историко-литературном контексте, Македонов, по сути, развивает основные положения своих ранних работ. Это касается и понимания творческой эволюции поэта, и его новаторства. Он накрепко связывает их с социально-историческими причинами. Возникновение «антилирики» в эпоху литературного промежутка было проявлением необходимого кризиса, который оказался плодотворным. Страна переходила «от романтики и суровой реальности гражданской войны к новой реальности мирного строительства» [Македонов, 1985, 11], поэтому и поэзия обратилась к повседневности, к ее конкретизации, к изображению «перестройки» сознания человека. Это повлекло за собой изменение всей системы лирического мышления: то, что раньше представлялось не поэтическим, теперь входило в литературу.

Македонов по-прежнему не стесняется высоких эпитетов, говоря о Маяковском как о великом поэте, авторе гениальных произведений, который постоянно искал и находил новые формы лирики. «В его лучших стихах, — утверждает исследователь, — наметился лирический синтез событийности, сюжетности, подчас повествовательности и страстного прямого высказывания-обращения, смелой метафоричности, ассоциативности поэтики 20-х годов; наметились элементы синтеза разговорной и ораторской интонации, своеобразной драматизации на основе реального лирического начала, лирических событий и новых героев времени» [Македонов, 1985, 17].

Исследователь вновь говорит и о трагической дилемме лирического героя Маяковского, который не в силах был отказаться от собственного «я», хотя сознательно впрягал свою музу «как лошадь, — в воз повседневности», «наступал на горло собственной песне». «Агитатор, горлан, главарь был великим лириком» [Македонов, 1985, 18]. «Ему нужна была не только муза, как лошадь, нужен был и настоящий новый Пегас, который мог бы высоко подымать и самый воз повседневности, раскрывать и в нем самом крылатое начало» [Македонов, 1985, 18].

Таким образом, можно говорить о преемственности творческих подходов и принципов анализа Македонова, опиравшегося на всестороннее изучение развития поэтики отдельного автора и отечественной лирики в целом. Маяковский был для него ключевой фигурой.

Литература

- Буяновская В. Взлеты и падения Маяковского. URL: <https://arzamas.academy/materials/738> (дата обращения: 26.06.23).
- Котова Э.Л. Парадоксы судьбы: литературно-критическая деятельность А.В. Македонова. Смоленск: СмолГУ, 2017. 266 с.
- Култышова О.М. Поэзия В. Маяковского в восприятии участников литературного процесса 1910–1920-х годов. Автореферат диссертации. М., 2001. 293 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/poeziya-v-mayakovskogo-v-vospriyatii-uchastnikov-literaturnogo-protsessa-1910-1920-kh-godov> (дата обращения: 26.06.2023).
- Македонов А.В. Маяковский и пролетарская поэзия // Рабочий Путь. 1930. 21 апреля. С. 4.
- Македонов А. Маяковский и советская поэзия // Рабочий Путь. 1935. 15 апреля. № 87. С. 2.

- Македонов А.В. Свершения и кануны: о поэтике русской советской лирики 1930–1970-х годов. Л.: Советский писатель, 1985. 360 с.
- Маяковский В.В. Любителям юбилеев // Маяковский В.В. Полное собрание сочинений в 13 т. Т. 12. М., 1959. URL: <https://traumlibrary.ru/book/mayakovsky-pss13-12/mayakovsky-pss13-12.html> (дата обращения: 8.05.23).
- Покотыло М.В. В.В. Маяковский в оценке отечественной критики и литературоведения. Ростов-на-Дону, 2008. 204 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/vv-mayakovskii-v-otsenke-otechestvennoi-kritiki-i-literaturovedeniya> (дата обращения: 26.06.2023).
- Сталин И. Записка Н.И. Ежову. URL: https://c21ch.newcastle.edu.au/stalin/t18/t18_040.htm (дата обращения: 26.06.23).
- Цветаева М.И. Собрание сочинений в 7 т. Т. 5, Кн. 2 «Статьи, эссе. Переводы. URL: <https://traumlibrary.ru/book/cvetaeva-ss07-052/cvetaeva-ss07-052.html> (дата обращения: 10.05.23).
- Чуковский К.И. Маяковский // Чуковский К.И. Собрание Сочинений в 15 тт. Т. 5. М.: Терра-Книжный клуб, 2001. URL: <https://www.chukfamily.ru/kornei/prosa/knigi/sovremenniki/mayakovskij> (дата обращения: 26.06.23).

E.L. Kotova

“Muza-horse” and “New pegasus”: Adrian Makedonov on the innovation of Vladimir Mayakovsky

Key words: literary criticism, poetry, the problem of innovation, Mayakovsky, Makedonov.

The article deals with the attitude of literary criticism of the 1920s-1930s to the poetry of Vladimir Mayakovsky. Despite the poet's enormous contribution to the reformation of Russian poetry, most literary critics from among his contemporaries were suspicious or openly disapproved of his innovation. Rapp's criticism was particularly hostile to him. However, Adrian Makedonov, being a young member of the RAPP, wrote with undisguised delight about Mayakovsky's innovation in his articles, although he also spoke about some “weak points” of his creative method. Perhaps this was the reason that these articles were blamed on Makedonov when in 1937 he was convicted as an “enemy of the people”. Half a century later, Makedonov, in his monograph on the development of Russian lyrics in the 1930s and 1970s, repeated a number of provisions of early articles

concerning the undeniable influence of Mayakovsky on outstanding poets (Bagritsky, Pasternak, Yevtushenko, etc.). Despite the change in Makedonov's critical methodology, his attitude

Л.В. Павлова, И.В. Романова

УДК 821.161.1

Из истории смоленской писательской организации: «Литературные четверги»¹

Ключевые слова: *смоленская писательская организация, Н.И. Рыленков, протоколы заседаний, литературные четверги, «Смоленский альманах».*

В статье на материале опубликованных протоколов различных заседаний (1940–1990-е годов) смоленской писательской организации описывается один из устойчивых форматов ее деятельности — «литературные четверги». Первоначально «четверги» возникли в 1920-х годах для творческого общения членов писательской организации, и сразу после войны были возрождены как «творческая лаборатория», необходимая для развития потенциала каждого из членов писательской организации и литературного актива области. На «четвергах» обсуждали рукописи новых произведений и состав «Смоленского альманаха», заслушивали творческие отчеты писателей, обсуждали партийные постановления и статьи в центральной печати по вопросам литературы. Особенно активно «четверги» проводились в 1940–1960-е годы, когда смоленской писательской организацией руководил Николай Иванович Рыленков. Позже подобного рода встречи постепенно утратили свою значимость и популярность в писательской среде, однако в воспоминаниях писателей-смолян сохранились отклики о пользе подобного рода заседаний. Протокольные записи позволяют воссоздать круг участников «четвергов», узнать о темах, волновавших писателей-смолян и принципах

¹ Авторы выражают благодарность Д.В. Бутееву, Н.Н. Илькевичу, А.А. Королеву, В.В. Королеву, А.Н. Мошкову, С.М. Романенко, любезно оказавших помощь в составлении комментариев.